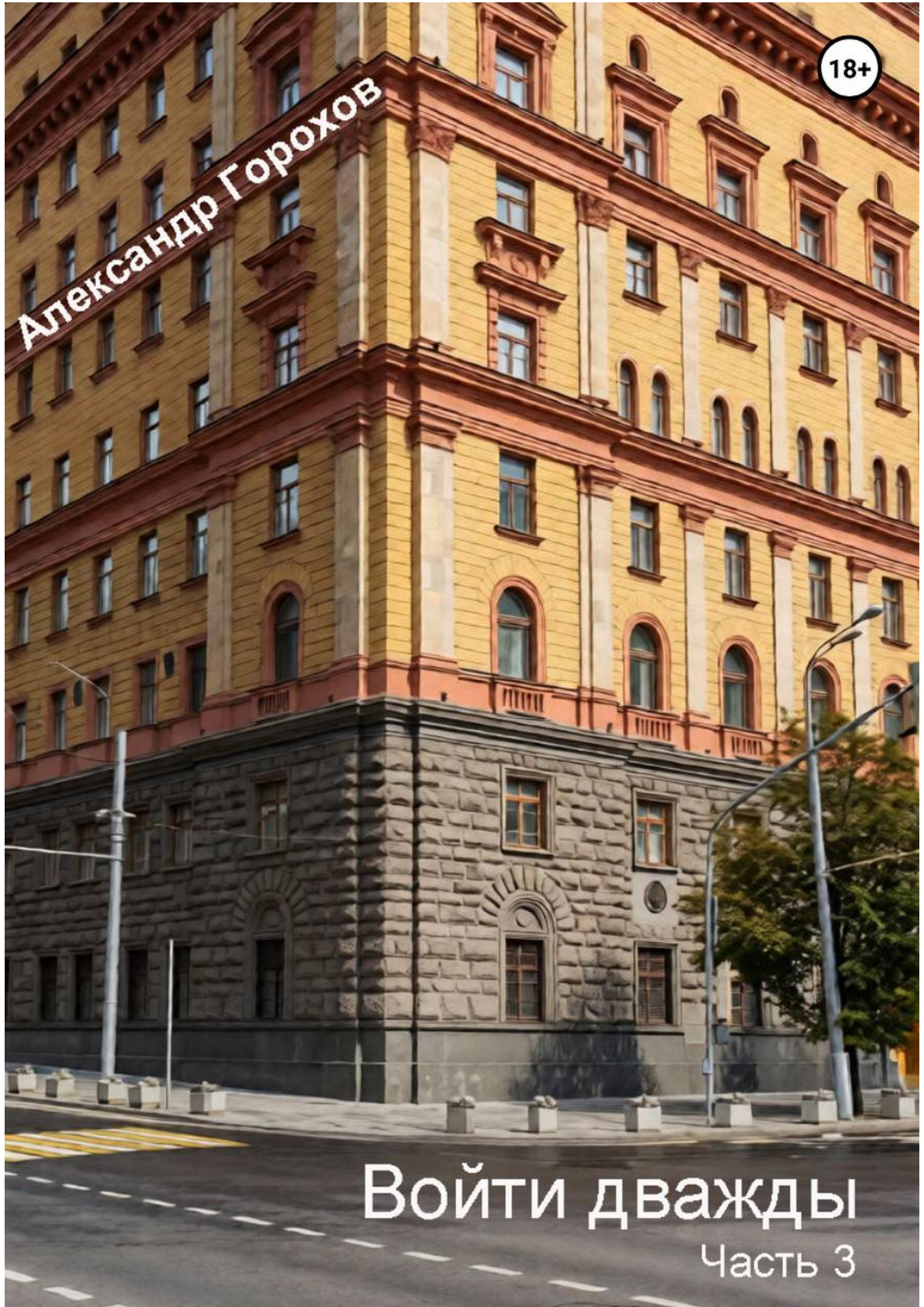

18+

Александр Горохов

Войти дважды

Часть 3

Александр Горохов

Войти дважды. Часть 3

«Автор»

2026

Горохов А.

Войти дважды. Часть 3 / А. Горохов — «Автор», 2026

В 1965 году агенты КГБ Павел и Ирина завершают подготовку к нелегальной работе. Отдых в санатории прерывается убийством: Ирина находит в желудке покойного улику — капсулу из ПЭТ, материала будущего. Герои выходят на след шпионской сети, собиравшей секреты ядерного полигона. После покушения на дороге напарники берут шпионов с поличным. Руководитель резидентуры — подполковник МВД — ломается на допросе, когда Ирина обещает спасти его дочь. Выясняется, что кураторы обманули предателя: болезнь ребенка инсценирована, а «изумруды» оказались стеклом. За ликвидацию сети героев тайно награждают орденами Красной Звезды. Под видом репатриантов Пауля и Ирэн агенты вылетают в ГДР. В Восточном Берлине они встречаются со связным Николаем, добывшим архив абвера. Скопировав пленки, герои передают их в посольство СССР, а затем с боем совершают драматичный прорыв через подземный тоннель в Западный Берлин.

© Горохов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Горохов

Войти дважды. Часть 3

ЧАСТЬ 3

1

Начался очередной семестр. Это уже был ускоренный вариант обучения. Большую часть времени занимала отработка легенды. Поездки в закрытые городки и города, где они по легенде жили или бывали, кладбище, на котором похоронены родители, знакомство с мелочами, связанными с легендой. Хотя полковник и его люди основательно подчищали или, наоборот, доделывали документы и факты, связанные с будущими репатриантами, а затем и перебежчиками в «мир безграничных возможностей», но подробное прохождение легенды выявляло некоторые несоответствия. Приходилось докладывать, а потом исправлять.

В институте начали изображать нежелание учиться, заниматься делами комитета комсомола, прочим, к чему уже привыкли. Причина простая – подготовка к «отчислению». Начальство решило подстраховать и это. Иначе могли у других студентов возникать вопросы, и мало ли какие люди услышат их болтовню. А так – отчислят влюбившихся, переставших заниматься и заваливших сессию студентов. Жестко, но справедливо. А сдавать экзамены и Павлу, и Ирине все равно придется, а значит, надо готовиться к ним. Все это требовало невероятных сил. Уставали ребята до изнеможения. Доплетались вечером до своей шикарной квартиры и засыпали мгновенно.

Полковник понимал, что ребята долго так не протянут. Перед летней сессией приказал ехать в командировку осмотреть очередное место возможного пребывания по легенде. Осмотрели сгоревшие руины детского дома. Деревушку рядом с ним, в которой не оказалось ни одного жителя – кто умер, кто переселился, никому не ведомо куда. Концов не удалось найти ни в местном отделе МВД, ни в других организациях. Сотрудники «конторы» тут поработали по приказу полковника профессионально!

Наши доложили, что с этим местом «пребывания» полный порядок. Полковник приказал возвращаться, но на обратном пути заехать в санаторий неподалеку от областного центра.

Сказал:

— Вам до города километров сто, а лечебница километрах в трех от него. Относится к нашему ведомству, но мы это не афишируем. Туда просто так с улицы не попасть. Только свои или из МВД. О вас оповещены. Набирайтесь сил. И чтобы не отлынивали, а прошли полный курс профилактического лечения. 12 дней. С массажем, ваннами, грязями, бассейном с минеральной водой, прогулками по кедровому лесу. Чтобы отоспались, восстановились и приехали аки младенцы. Полные сил и здоровья.

Ирина, вспомнив о проблемах с суставами и поясницей в последние годы первой жизни, с энтузиазмом отнеслась к возможности подлечиться. И Павла заставила отнестись к этому серьезно. Она вспоминала, как однажды выбрались в санаторий МВД, как происходили подобные процедуры там. Сравнивала, а сравнения-то и не получалось. Там жиденькой грязью слегка смазывали, потом заворачивали в полиэтилен, сверху клали тонкое одеяло и через минут двадцать - в душ. Здесь же обкладывали толстым слоем нагретой лечебной грязи, похожей на шоколад, заворачивали в клеенку, а потом в толстое теплое одеяло. Заканчивалась процедура, когда грязь остывала. А это было минут через сорок.

Происходило грязелечение через день. Один день - грязь, другой - ванна с теплой минеральной водой. День в четвертый Ирина дремала, закутанная, словно куколка бабочки. Разбудил шелест колец занавески. Она открыла глаза и увидела здорового мужика, заглянувшего в кабину.

— Виноват, ошибся, — произнес он и исчез.

— Бывает, — ответила Ирина и снова задремала.

Проснувшись от шума и суеты. Прислушалась, поняла: что-то случилось. Позвала медсестру. Пришла санитарка.

— Извините, у нас тут ужас чего произошло! — она, волнуясь, путаясь в словах, начала распаковывать Ирину и рассказывать: — Мужчина умер во время процедуры. Бужу, а он не откликается. Думала, спит. Я – громче, он молчит. Лица не видно – накрыл одеялом. Хотя как накрыл – непонятно, руки-то под одеялом. Ох, беда. Умер. Должно быть, сердце. Чего теперь будет! Чует мое сердце, закроют санаторий. Точно закроют, а меня посадят. Ох, за что же мне это! Так было спокойно. А с этим, который умер, все было не так. То опоздает, то не в свое время придет, то еще чего не так. Постоянно.

Она причитала, плакала, убирала вымазанные в грязи клеенку, простыню, застилала лежанку чистым бельем.

Ирина отмылась под душем, надела халат, спросила:

— Труп уже убрали?

— Нет, что вы, никто не трогал. Ждем милицию и всех прочих, кого положено. Главврач приказал не трогать. Мы и не трогаем.

— А как узнали, что умер?

— По пульсу на шее. А еще я зеркальце поднесла к его губам, а оно не запотеваает.

— Понятно. — Ирина вспомнила про мужика, который заглядывал в её кабину. — Проводите меня к нему.

— К кому? — не поняла санитарка.

— К трупу.

— Нельзя, что вы, ни в коем случае нельзя. Главный врач запретил.

— Мне можно. Я посмотрю. Трогать ничего не буду.

Шторка в кабину была отдернута. Скомканная одежда умершего валялась на сидущке стула.

— Вещи умершего, когда вы его укладывали, так же, как сейчас, валялись на стуле? — спросила Ирина.

— Нет, что вы, — он их аккуратненько сложил. Я хорошо помню. Подумала: «На процедуры так опаздывает, а сам аккуратист». Даже носочки повесил на перекладинку стула.

Посмотрев на умершего, она сразу сообразила, что не в сердце тут дело. Многолетний опыт врача, да еще не забытая практика судмедэксперта сделали для неё понятным, что того задушили. Скорее всего, задремавшего накрыли тем же одеялом, в которое был завернут, а может быть, еще и его одеждой. Руки и ноги зажали так, что не сумел даже пошевелиться. На небритых щеках запуталась шерсть от одеяла. Говорить про это не стала, но решила присутствовать при осмотре трупа милицейскими специалистами.

Прибежал Павел, у которого в это время был массаж в другом конце лечебного корпуса.

— Слава Богу, не ты! — единственное, что он произнес.

— Ты что, с ума посходил, как эти! — возмутилась она. — Кому я тут нужна.

Ирина прошептала Паше свою версию. Сказала и про здорового мужика, которого раньше в санатории не видела. Подробно его описала.

Приехали моложавый и по всему развязный следователь, от которого воняло дешевым одеколоном, его помощник, молоденький лейтенант, должно быть, только из следственной школы, и пожилой судмедэксперт. Следователь брезгливо поднял рубашку, спортивные штаны, майку, подержал в руках, бросил обратно на стул. Сказал сквозь зубы старичку:

— Тут и без ваших ковыряний все понятно, как дважды два: положили, закутали в горячей грязи, сердечко и не выдержало. Полное невежество главврача. Довел здорового мужика до могилы.

Судмедэксперт осмотрел тело. Зачем-то пощупал пульс. Вдохнул: «Увы!». Потоптался вокруг лежанки, сфотографировал, скомандовал:

— Увозите к нам. Там буду разбираться.

Следак хмыкнул и ушел. Помощнику велел взять паспорт, еще какие документы, если будут, и записать показания со всех.

На выходе из кабины Ирина остановила следователя, спросила:

— И чего скажете?

— А вы кто, собственно, будете? — в ответ спросил тот.

— Я, собственно, — передразнила она, — опасаясь быть следующей.

— Ну, если у вас проблемы с сердцем, то не могу исключить этого при таком медперсонале.

— А версию убийства не рассматриваете?

Следователь поморщился:

— Ну, какое убийство? Лег для процедуры. Перегрелся. Сердечко и не выдержало, — проворчал «Пинкертон» местного разлива и, вспомнив, закричал уходящему помощнику: — Вася, у главврача возьми медкарту этого, а самого допроси.

— Кого допросить? — спросил молоденький лейтенант.

— Ну не труп же! От него ничего уже не добьешься.

Потом обернулся к Ирине:

— А вот главному врачу не отвертеться, сядет у меня за халатность.

— Ну-ну, бог вам в помощь, — усмехнулась Ирина.

Она поняла, что этот бездарь или лентяй, для которого главное – изобразить работу, не собирается искать убийцу. Что будет трепать нервы главному врачу. Может быть, состряпает дело и посадит. А врач оказался ей толковым специалистом, каких и в Москве немного. Решила помочь. Павел ждал жену в коридоре лечебного корпуса. Выслушал. Сказал, что надо срочно связаться с Полковником, доложить, что тут произошло, и получить разрешение на проведение собственного расследования.

— Надо узнать поподробнее, кто этот убитый. Может быть, тут совсем не просто. Просто так людей в таких местах не убивают.

Через десять минут они звонили из кабинета главврача в Столицу. Доложили коротко и четко.

После того как назвали фамилию убитого, полковник долго молчал. Вспоминал. Потом сказал:

— Занимайтесь. Подключу местный областной комитет. Информацией с вами поделятся. Значит так: по нашим сведениям, там проблемы с нелегальной добычей и обработкой камней. Точно на память не скажу, кажется, изумрудов. Фамилия в голове вертится, да не вспоминается. Узнаете в тамошнем комитете. Начинайте работать немедленно. Следователю скажите, что поступает в ваше распоряжение. Скажите через полчаса. Я к тому времени все согласую. Начнет артачиться – работайте с ним жестко. Вплоть до задержания. Их управление как-то завязано на эти камни. Может быть, даже и этот ваш следак. Докладывать будете ежедневно в 17:00.

2

Чтобы не терять время, Павел с Ириной отправились осматривать номер убитого. Был этот номер в небольшом уютном гостевом домике, построенном на немецкий манер. На мансардном этаже было две комнаты и кухня, которые и занимал погибший. В помещениях было чистенько и аккуратненько. Павел открыл шифоньер, и оттуда вывалился небольшой кожаный чемодан. Подкладка была оторвана, а рядом валялись белье, свитер и брюки с оторванными карманами.

Ирина осматривала кухню. Содержимое из банок было выброшено, и сахар, соль, перец, еще что-то с резким запахом валялись на полу. Только очень заинтересованный следователь мог, видя это, сохранять убеждение в смерти от сердечного приступа. Хотя, скорее всего, ни он, ни его помощник здесь не появлялись.

Ирина сообразила, что если чего-то обыскивавший комнаты убийца не нашел, то это должно быть на таком виду, что и в голову не придет там искать.

В это время в комнату, ковыряя в зубах спичкой, вошел следователь. Должно быть, пользуясь случаем, обедал на халяву в столовой. От удивления спичка вывалилась изо рта. Он заорал: «Руки вверх!», и начал вытаскивать пистолет. Но это не получалось. То ли мешал пиджак с застегнутыми пуговицами, то ли кобура сползла далеко назад.

— Успокойся и не мельтешишь, — с презрением хмыкнул Павел. — Поступаешь с этой минуты в наше распоряжение.

— Вы чего здесь творите! Кто вам позволил! — завопил он.

Лейтенанты сунули ему под нос удостоверения:

— Понятно?

Он с минуту тупо смотрел в документы, потом чего-то сообразил:

— Лейтенанты не имеют права командовать капитаном, это раз. Во-вторых, я веду это дело и не позволю непонятно кому совать в него нос. В-третьих, на каком основании вы тут перевернули все вверх дном и затоптали все улики? Буквально все уничтожили! Как теперь вести расследование! Или вы собственные следы преступления решили скрыть? Вон из помещения!

Павлу надоело слушать его бредятину:

— Молчать! — рявкнул он. — Пока ты, вместо того чтобы выполнять служебные обязанности, жрал на халяву в столовой, мы проводили осмотр. Ну, что, все еще будешь настаивать на смерти из-за неверного лечения? Или, наконец, займешься своими служебными обязанностями? Ввиду твоей полной некомпетентности это дело передано нам. Тебя пока решено оставить в качестве помощника. Понятно? Позвони своему начальству, тебе объяснят.

Следователь хлопал глазами, молчал, потом развернулся, отправился звонить.

Ирина размышляла, где в этом домике можно чего-то ценное и важное спрятать. Спустилась по лестнице на первый этаж, осмотрела там, обстучала каждую дощечку, снова поднялась на второй этаж. Она представила себя постояльцем, приехавшим сюда на несколько дней, возможно, чтобы спрятаться от кого-то, отлежаться здесь, а затем куда-то уехать, скрыться. Что ему надо было спрятать так, чтобы преследователи не нашли, а при необходимости сам мог бы достать легко и быстро. Это, как говорил полковник, могут быть камни. А могут быть и документы. Компромат на кого-то. Или и то, и другое. О чем говорит вспоротый чемодан? О том, что спрятанное не громоздкое. Тетрадь или камни. За подкладкой, скорее всего, спрятал бы документы. Камешки, даже маленькие, все равно будут выпирать и *будут* заметны. Если камни, то их можно спрятать в металлических ножках в днище чемодана. Точно — в пуклях!

— Паша, у тебя нож есть?

— На кухне этого добра полно.

— Помоги мне, пожалуйста.

Она перевернула чемодан.

— Отковырни. Только осторожно.

Павел поддел ножом полукруглую, крупную, будто была для здоровенного, а не маленького чемоданчика, пуклю, кожа скрипнула, пукля поддалась. Павел осторожно оторвал её, и внутри оказался зелененький камушек. Снял все. Получилось четыре полупрозрачных красивых камня.

— Ну, ты, Ирочка, голова! Не перестаю удивляться! — восторженно произнес Паша.

— Думаю, Пашечка, это у него было не главное. Должна быть еще или тетрадь, или бумага, или еще что-то подобное с какой-то информацией. Из-за неё, мне представляется, его и убили.

— Убили, скорее всего, по дури или случайно. Если у него, как ты предполагаешь, был компромат, то должны были попытаться и найти. Если какая-нибудь карта, на которой схрон с изумрудами или никому не известный рудник, то же самое. Если ни тот, ни другой вариант, тогда за что убили? И чего искали? Не из-за этих же четырех камней?

— Мне представляется, что не хотели, чтобы он кому-то что-то рассказал. То, что те, кто убил, знают.

— Если так, то те, кто убил, давно отсюда исчезли.

— Скорее всего. А вот нам надо понять, что он такое знал.

Вернулся следователь. Вид у него был как у мокрой курицы.

Ирина улыбнулась, сказала, что будет лично присутствовать при вскрытии, а пока допросит здешний персонал. Павел кивнул.

— Чего стоишь? — спросил Павел капитана. — Работу надо делать, а не стенки подпи-
рать. Указания получил?

— Так точно, получил, — нехотя пробормотал тот.

— Ты, капитан, не корч из себя обиженного. На обиженных, сам должен знать, что делают. На них воду возят. А нам некогда воду в ступе толочь. Отправляйся в город. Завтра к вечеру должна быть полная информация обо всем связанном с погибшим. Ты понимаешь: В-С-Я! А не та, которая в анкете. Осмотри квартиру или где он живет. Побеседуй с соседями. Аккуратненько, без, так сказать, протокола. То же самое на работе, с родственниками. И пойми простую вещь: если хочешь дальше нормально служить, прояви инициативу. Чем больше накопишь, тем больше будет перспектив на дальнейшую службу. А ничего полезного не найдешь — значит, не только перспектив, но и службы дальнейшей может не случиться. Все в твоих руках, ногах и, особенно, голове. По дороге завезешь Ирину Юрьевну к судмедэксперту. Она будет присутствовать при вскрытии и всем прочем. Когда позвонит, это будет вечером, вернешься с ней сюда. Твоего лейтенанта я оставляю. Будет мне помогать. Вопросы есть? Вопросов нет. Понятно?

— Так точно.

— Никому, даже своему начальству, и тем более друзьям-приятелям, про это дело ни слова. Спросят — скажешь, дал подписку о неразглашении. Проболтаешься — зона гарантиро-
вана. Пойми, повторять не буду: у нас очень, очень строго.

Уехали.

3

Ирина успела. Спросила у женщины на первом этаже морга, где происходит вскрытие. Та сказала, что в цокольном этаже и что Павел Петрович уже там. Ирина быстро спустилась к нему.

Судмедэксперт разложил инструменты. Надел перчатки, маску и собрался вскрывать тело.

Попросила не спешить. Старик кивнул:

— Ни ему, ни мне спешить уже некуда.

— У вас найдется, во что мне одеться?

— Милая девушка, вы и без одежды будете великолепно выглядеть.

— Спасибо и за милую, и за девушку, а все же где и во что можно переодеться?

Эксперт показал. Предложил и чистенький халат, и фартук, и прочее. Ирина переоделась. Приступили к вскрытию.

По её твердой руке, уверенным действиям и грамотным комментариям снисходительный тон старика вскоре исчез. Он стал обсуждать на равных то, что происходило.

— Да, а я, кажется, был не прав в своих предположениях, — говорил старик, — видите: кровоизлияния точечные и на глазах, и во рту не похожи на то, что бывает при асфиксии.

— Согласна. Я была уверена, что его задушили. На щеках в щетине была шерсть от одежды. Сразу пришло в голову, что им его и душили. А теперь сомневаюсь.

— Да и цианоз не такой, как при асфиксии.

— Да. Дыхательные пути чистые. Почти чистые. Несколько шерстинок не в счет. Могли случайно попасть.

— Сердечко-сердечко, оно уже в покое, — эксперт, видимо, всегда напевал что-то подобное. — Видите, не такое уж и здоровое.

— Вижу, профессор, — Ирина сделала ему ненавязчивый комплимент. — И рубец вижу, и гипертрофию левого желудочка, и тромб. Моя версия тает, как прошлогодний снег.

— Не печальтесь, коллега, моя тоже рушится. А наш-то следак глупенький-глупенький, а оказывается правым. Как это ни печально.

— Нет, не прав. Пока неправ. Давайте посмотрим ткани легких, а тогда уже сделаем выводы.

Сделали. Посмотрели в микроскоп. Старик улыбнулся:

— Прав, засранец, да не прав. Эмфиземочки-то вот они. Не яркие, не очевидные, но есть!

— Есть. Несомненно есть! — согласилась Ирина. — Легкие не обманешь. Вот как вздуты. И пятна Тардье вот они, родимые. И кровушка не жидкая и посветлее, чем у, сами знаете кого.

— Согласен, очень четкие точечные кровоизлияния. И в сосудах сгустки. — Согласился судмедэксперт. — А я вот в толк не возьму, Ирина: на вид вам и двадцати пяти нет, а по манере работы, по другим признакам и нюансам – меня, старика, не обманешь – у вас опыта минимум как у сорокалетнего эксперта. Откуда?

— А мне, профессор, восемьдесят годочков. Разве не видно? — пошутила Ирина.

— Ну как не видно, очень даже видно, что вам двадцать три, — вступил в игру эксперт. — А жаль, что не семьдесят, а то я бы вам предложил руку и сердце.

— Да вот этот уже предложил. — Она кивнула на сердце, лежащее в её руке. — И все-таки я бы написала так: «Попытка удушения путем механической асфиксии закрытием отверстий носа и рта одеялом подтверждается наличием в бронхах шерсти от одеяла и несколькими точечными кровоизлияниями, обнаруженными на слизистых оболочках глаз и рта. Однако смерть наступила вследствие возникшего в этот момент инфаркта миокарда, о чем свидетельствует отсутствие резкого снижения уровня глюкозы в крови, оттекающей из мозга.»

— Пожалуй, так, — согласился старик, — я приведу еще несколько подтверждающих признаков. Вас в заключение включить?

— Да, конечно.

— Тогда, пожалуй, приступаем к самому интересному. Поглядим, что было на завтрак у бывшего гражданина Советского Союза. И было ли чего. На яды и водочку проверять будем?

— Нет, профессор, облегчим себе работу. Не верю я, что с ним занимался маньяк и сперва отравил, потом начал душить, а потом, когда гражданин умер от инфаркта в слезах от того, что не видит его мучений, убежал. Да и медперсонал сказал, что был он трезв как стеклышко и спиртного запаха не распространял. Хотя, ваш следак может к этому прицепиться, чтобы подгадить нам. Проверяем все!

— Мудро. Согласен. Этому уже не помочь, а себе не станем вредить.

Эксперт извлек желудок вместе со всем остальным. Перевязал пищевод и двенадцатиперстную кишку. Хмыкнул:

— Не дадим пропасть ни одной капле возможных и невозможных улик.

Начал выполнять привычную для себя и сотни раз проводимую экспертизу.

Разрезал желудок. Улыбнулся, подмигнул:

— А вот сейчас мы проверим ваши познания в работе человеческого брюха, восьмидесятилетняя старушка: сколько времени пройдет после еды, если в нем ничего нет?

Ирина в ответ тоже подмигнула:

— Профессор, такое редко теперь бывает. Народ жрет постоянно и без перерыва. Но пожалуйста: не меньше шести часов.

Старик кивнул:

— А если в нем кусочки мяса, но почти их уже нет?

— Ну, пожалуй, около двух часов. Тут многое зависит от индивидуума. Скажу так: полтора – два часа.

— А если кусков уже не осталось, но желудок почти полон?

— Часа три. Плюс-минус час.

— А что же у этого субъекта мы имеем?

Он извлек содержимое завтрака с неперевавленными кусками мяса.

— Гражданин плотно позавтракал минут за сорок до кончины. — Ирина наклонилась к остаткам пищи, понюхала. — Ни алкоголя, ни цианистого калия, ничего подобного не ел.

Судмедэксперт кивнул:

— Вот и славненько.

Ирина машинально раздвинула кашеобразное содержимое и вскрикнула, увидев то, что вместе с Павлом искали, но никак не внутри убитого. Вытащила из остатков пищи маленькую продолговатую капсулу. Мгновенно сообразила, что это со времен первой жизни не встречаемый ей полиэтилентерефталат. Тот самый ПЭТ, из которого в конце двадцатого века стали делать упаковки для газированной воды и всего подобного. Была эта капсула черного цвета, непрозрачной, из двух половинок, соединенных на резьбе. Должно быть, еще и с прокладкой между половинками. Подумала: «Господи, как мы далеко отстали и по полимерной химии, и по электронике». Повернулась к эксперту:

— Профессор, вы ничего не видели, и в отчет это не должно попасть! — Она посмотрела на старика. — Не хочу, чтобы у вас, замечательного человека, возникли проблемы.

— А чего, дорогая моя, — он пожал плечами, — что здесь может быть, кроме остатков пищи? Ничего.

— Об этом будет знать только моё начальство в Москве, — прошептала она. — Я вскрывать эту штуковину не стану. Там может быть непроявленная пленка.

— Вот и разобрались с убиенным гражданином, — подытожил эксперт. — Такое в моей практике впервые. И я не удивлен, что тут оказался именно с вами.

— Профессор, я у вас даже подписку о неразглашении брать не буду, чтобы ни у кого не вызывать ненужных подозрений. Зашивайте этого товарища, который, судя по всему, нам с вами далеко не товарищ.

Старик кивнул. Ирина отмыла капсулу. Завернула в марлю, спрятала в карман спортивной куртки.

Судмедэксперт закончил работу, вымыл руки и отправился диктовать все, что положено, пожилой даме, скучавшей в кабинете на первом этаже. Ирина переоделась и присоединилась к нему.

Через полчаса готовое заключение судмедэкспертизы с печатью и подписями было у неё.

Ирина поняла, что этого мужика не собирались убивать. Хотели припугнуть, а потом, когда он будет перепуган до смерти, узнать, где пленка. Да вот только «до смерти» оказалось не в переносном, а в прямом смысле. Она звонила в управление, попросила, чтобы следователь заехал за ней в морг. Прозвучало смешно. На том конце хихикнули, сказали, что того пока нет, что уехал на осмотр квартиры.

Через полтора часа в кабинет судмедэксперта, в котором Ирина, эксперт и дама распивали чай и травили анекдоты про студентов-медиков, впервые попавших на вскрытие, вошел, но не следователь, а Павел.

— А мы вскрытие завершили. Жду следователя, да вот чего-то не едет.

— И не приедет, — Павел развел руками. — Нету больше следователя. Вошел в квартиру, которую снимал гражданин отдыхающий, и, по вашим веселым голосам, выпотрошенный только что, включил свет. Бабах! Взрыв газа. Забыл, наверное, перед отъездом закрыть конфорки на плите.

— Труп опознали?

— Да, лицо осталось почти необгорелым. Так что поедешь, родная, не с приглянувшимся тебе сотрудником правоохранительных органов, а со мной.

Они попрощались с экспертом и его помощницей. Вышли на улицу. Чудесная, почти летняя погода не располагала к неприятным разговорам. Солнышко пригревало. На деревьях зеленели только-только распустившиеся листочки. Еще не зеленого, а светло-салатного цвета. Под ногами из старого асфальта вылезала трава. На обочине желтели шапками одуванчики. Чирикали воробьи, в ответ им выводили песенки синички. Не вязалась эта природная идиллия с их делами. Не совпадала.

4

Павел открыл «Волгу» не первой свежести. Завел. Поехали.

— Откуда дровишки? — спросила Ирина.

— По просьбе нашего полковника прислали из областного комитета.

Ирина довольно улыбнулась:

— Заботливый. — Посерьезнела. — Пашечка, а кто его начальник?

— Чей?

— Да сгоревшего на работе следователя.

— Да есть тут один подполковник. Весьма интересный субъект. В санатории начали было сначала крутить, но быстренько сообразили, что к чему, и рассказали, что инфарктника вашего приказал поселить именно этот подполковник. А следователь к нему приезжал через день. Так и оказался в лечебнице. Позвонил, должно быть, начальнику, тот и прислал ему группу в подмогу. Он дождался их приезда и должен был концы в воду спрятать, да не судьба — мы оказались на его пути. Подполковник, наверное, запаниковал и решил его убрать. Опасался, что сдаст. Так что мы сейчас к нему и едем. Спросим для начала про убиенных, а потом и про изумруды.

— Ты, Паша, остановись на минуточку.

Павел выбрал удобное место. Затормозил.

— У меня вот такая штучка есть, — Ирина показала капсулу, — из желудка убиенного. Внутри, скорее всего, микропленка. Возможно, непроявленная. Так что это дело не про камешки. Камешки тут между делом. Прикрытие. Тут все гораздо серьезнее. Насколько я помню, километрах в ста имеется ядерный центр. Не исключаю, что концы или начало истории там, а не в каменоломнях.

Павел во время рассказа жены поглядывал в зеркало заднего вида. Резко рванул с места. Через несколько метров крутнул руль, выполнил полицейский разворот, крикнул: «Держись!», и своим боком сбил с дороги мчавшуюся навстречу легковушку. Та пролетела несколько метров, опрокинулась в кювет, перевернулась и встала на крышу. Павел выскочил из «Волги», кинулся к той. Вырвал смятую водительскую дверцу, выволок водителя, оттащил. Машина загорелась. Он прикрылся телом. Раздался взрыв. Ирина кинулась помогать мужу. Павел не пострадал, а вот шофера зацепило обломками. Павел привел его в *чувство*. Поволок к дороге. Ирина подогнала «Волгу». Вдвоем затащили в кабину.

— Пашечка, гони в морг. Где тут больница, я не знаю. Можем не успеть.

Они помчались. Ирина пригляделась к раненому.

— Паша, этого мужика я видела в санатории. Он искал инфарктника, и, наверняка, причастен к его смерти, а теперь должен был устранить и нас. Быстро они тут соображают.

Подъехали. Все оказались на месте. Перенесли раненого. Тот пришел в *чувство*. Застонал. Эксперт осмотрел. Сказал, что ничего страшного. Что перелом ноги и нескольких ребер. Небольшое сотрясение. Скоро оклемается.

Павел связался с областным комитетом. Доложил ситуацию. Те сказали, что пришлют группу. Сказали, чтобы заперлись и ждали.

Через несколько минут приехал микроавтобус. Командир, капитан, доложил Павлу, что прибыл в его распоряжение.

— Мы сейчас допросим этого. — Паша кивнул на раненого. — Потом отвезем к вам в изолятор. — Потом отвезем к вам в изолятор. Переговорю с вашим руководством, а там видно будет. Главное, чтобы этого никто не пристрелил. Он нам живехонький нужен.

— Ты его на яд проверял? — спросил капитан.

— Не успел.

— Сам проверю.

Он одним движением оторвал воротник рубахи у задержанного. Ощупал. Вытащил ампулу.

— Тебе повезло, что он потерял сознание, а то, сам понимаешь, не состоялся бы твой допрос. Давай-ка я продолжу. Может, еще чего найдем.

Капитан поднял раненого. Двое ребят из его команды держали, не давая тому упасть, остальные продолжили обыск. Вытащили из кармана небольшой нож, ручку, с не сломанной ноги снял маленький пистолет с кобурой. Документы.

— Серьезный клиент. Тебе сильно повезло, что мы приехали быстро. А то и вы могли остаться тут в подвале и не такими тепленькими, как этот.

Капитан посмотрел на Павла:

— Парень, да ты сам ранен. — Он обратился к судмедэксперту:

— Петр Иванович, помогите нашему герою, а то будет ему орден, но посмертно, а это не лучший из вариантов.

У Павла было небольшое сотрясение, и руки ободрал, когда вырывал дверь. Напряжение прошло, и он начал заваливаться на скамейке. Дама сунула под нос нашатырь. Очнулся. Перевязала руки. У Ирины тоже не обошлось без сотрясения. Во время тарана содрало кожу со лба. Медик перевязал. Сказал, чтобы не волновалась – шрама не будет. Пройдет без последствий.

— Кто о чем, а девушки о красоте! — засмеялся капитан. Остальные тоже заулыбались.

— Знакомьтесь, — сказал Паша, — это моя жена, Ирина.

— Идти сможешь? — зло спросил раненого.

— Нет, — ответил тот.

— Тогда поползешь! — он со всей силы вмазал тому в солнечное сплетение. — А теперь? Или еще таблеток добавить?

— Пойду.

— Ребята, работа требует интимности, — Павел, улыбаясь, попросил оперативников оставить их для допроса наедине с задержанным.

Допрос был коротким. Он объяснил, что тому светит вышка. Что его никто не вытащит. Единственное, что спасет – длинный язык и чистуха.

— Понял?

Раненый кивнул.

— Кто велел убрать в санатории сердечника и за что?

Арестованный рассказал, что руководит всем подполковник. Он резидент. Убивать никого не собирались.

— Инфарктник должен был передать сведения об исследованиях в ядерном центре, — говорил задержанный здоровяк. — Этот там служил не то чертежником, не то копировщиком. Имел доступ к разным секретным и совершенно секретным документам. Самые свеженькие результаты. Не впервой это делал. За это обещали пять тысяч и четыре изумруда. Изумруды передали, а чертежник этот сказал, что пока не получит денег, ничего не отдаст. Договаривался с ним следователь-капитан. Деньги обещали отдать в городе. Там, в санатории, их не было. Тот заартачился. Приказано было припугнуть, а он возьми да и помри.

— Я номер его обыскал - ничего не нашел, — продолжал задержанный, понуро смотря в пол.

— А тут вы со своей дамочкой. Следак запаниковал. Пришлось подполковнику создавать группу по убийству, чтобы его капитан замял это дело. А после он дал мне команду убрать вас. Вот и все. Вот так по глупости и случайности и попались, но на мне мокрухи-то никакой нету. Вы живы, а который в морге, сам умер, — закончил здоровяк.

— Кого еще из людей вашего резидента знаете? — спросила Ирина. Она записывала допрос.

— Больше я никого не знаю. Да, кажется, никого больше тут и нету.

Павел приказал раненому прочитать и расписаться. Тот кивнул. Прочел. Поставил подпись.

— Чего теперь со мной будет?

— Доставят в Москву. Там определят. Думаю, обойдешься без вышки. А если начнем игру и будешь сотрудничать, то, может, и условия приличные получишь.

Павел отдал команду, чтобы арестованного везли в изолятор КГБ, а сам вместе с Ириной, капитаном и двумя бойцами рванул в управление МВД, к заместителю начальника уголовного розыска, тому самому подполковнику.

Решил вначале поговорить без сопровождающих, а затем действовать по обстановке. Для задержания материала у него было достаточно – показания арестованного.

Вошел. Кабинет удивил дорогой обстановкой. На маленьком столике стояла хрустальная ваза с цветами. Стенка со спортивными кубками, стол из ореха на резных ножках. Заместитель начальника сидел в кресле, обитом темно-зеленым бархатом.

— Не по чину убранство, — подумал Павел, — у нашего генерала в Москве несравнимо скромнее.

Представился. Подошел к столу. Показал удостоверение. Спросил, знаком ли ему этот человек, и показал паспорт с фотографией. Подполковник скосил глаза на фотку, понял, что пришли за ним. Сказал, что видит впервые, и заорал:

— Пошел вон, сопляк! Ты приперся в кабинет заместителя начальника уголовного розыска областного управления МВД! Лейтенантишка! Одного моего звонка будет достаточно, чтобы ты вылетел на помойку! Закрой дверь с другой стороны, и чтобы я тебя больше никогда не видел! Будет он мне какие-то паспорта с уголовниками показывать! Размажу!

Павел выслушал. Похлопал в ладоши:

— Ты хреновый артист, подполковник. Жаль, могли бы спокойно поговорить, написал бы чистосердечное признание. Может быть, и вышки избежал бы. Честное слово, жаль.

Павел вернулся к двери. Приоткрыл. Начали входить оперативники. Подполковник выхватил из ящика стола пистолет. Выстрелил в Павла. Промахнулся. Стал прицеливаться. «Лейтенантишка» схватил вазу со столика, запустил в подполковника и отскочил в сторону. Пуля свистнула мимо. А вот Павел попал. Ваза угодила в нос резиденту. Хлестнула кровь. Он одной рукой схватился за разбитую физиономию. Другой хотел еще раз выстрелить. Не успел – командир оперативников подскочил к нему, ногой выбил пистолет. Второй оператив-

ник начал крутить ему руку. Подполковник ударил того. Парень устоял, сшиб его с ног. Втроем скрутили. Застегнули наручники сзади. Капитан, уже привычным движением, оторвал воротник рубахи. В ней ничего не оказалось. Обыскал. Вначале поверхностно. Потом основательно. Нашел пачку новеньких сторублевок. В заднем кармане брюк - мелкокалиберный пистолетик. Ниже колени, в пристегнутом чехле, узкую финку. В нагрудном кармане кителя - только появившуюся и входящую в моду шариковую авторучку. Ирина аккуратно взяла её. Положила на стол, разобрала. Вместо стерженька была толстая игла. Сказала: «Я такие штучки знаю. Игла, скорее всего, с ядом».

Потом экспертиза подтвердила – наконечник был с отравой.

— Готовился, сволочь! — матюкнулся капитан.

Павел скомандовал:

— В изолятор. Капитан, ты уж, пожалуйста, пригляди, чтобы их случаем вместе не посадили. Только одиночки. Да чтобы не отравили. Очень тебя прошу.

Капитан улыбнулся, кивнул:

— У нас там порядок. Чужих не бывает. Свои только проверенные.

К этому времени из изолятора вернулся микроавтобус. Задержанного увезли.

Павел с Ириной на полуразбитой «Волге» поехали в управление КГБ. Было 16:40. До связи с полковником оставалось двадцать минут.

Полковник выслушал доклад. Похвалил. Приказал возвращаться.

— Полетите спецрейсом. Вместе с задержанными. Когда будет самолет, узнаете у начальника управления. К ним в дороге не суйтесь. Да, чего я говорю, они будут в отдельных клетках – один в хвосте самолета, другой возле кабины пилотов. Оба под охраной. В аэропорт пришлю за вами машину. Проследите, чтобы этих отправили в автозаке в Лефортово. Сами потом ко мне. До встречи.

5

Рейс улетал через день. Павел и Ирина присутствовали при допросах подполковника. Тот сначала молчал, постепенно его раскрутили. Местные хотели выяснить, был ли кто еще им завербован в ядерном центре. Утверждал, что нет.

Самолет вылетел поздно вечером. В Подмоскowie приземлились на военном аэродроме. Автозак уже ждал. Павел, хотя ему этого делать не приказывали, проверил документы у всех, кто был там. Некоторые были знакомы. Успокоился. Автозак уехал. Генеральская «Волга» чуть запоздала. Водитель на скорости с визгом затормозил. Поехали. Ночная дорога была пустой. Доехали быстро. Ирина дремала. Павлу не спалось. В голову лезли глупые мысли. Почему-то думал, что делать, если полковник или генерал протянут руку для пожатия. Правая была в бинтах. Болела. Решил, если такое случится – отдаст честь. Ирина тоже выглядела не очень. Бинт сняла, но через весь лоб широкой чертой судмедэксперт наклеил пластырь. Сказал, чтобы наносила мазь каждый вечер и закрывала пластырем. Иначе может остаться шрам. Мазь дал свою, самодельную, с целебными алтайскими травами и еще чем-то непонятным. Сказал, что заживет быстро и, если не будет забывать смазывать, то шрама не останется. Паша обнял жену, в очередной раз укорил себя: «Господи, во что я тебя, миленькая, втянул. Поступила бы в мединститут, а может быть, и в МГИМО прошла без всяких КГБ. Жила бы спокойно. Старушек лечила». Незаметно задремал.

Проснулись от скрипа тормозов. Рассвело. Машина стояла во внутреннем дворе.

К ним подошел Федя, на погонах было три звездочки.

Они вышли из машины, радостно поздоровались. Павел показал на погоны: «Федор, рад за тебя. Поздравляю!». Обнялись, как старые знакомые.

— Как себя чувствуешь? Как ранение? — спросила Ирина.

— Ты помнишь? — удивился старлей.

— Как я могу забыть красавца, который привез нас прямехонько в один из лучших институтов страны!

— Ну уж и красавец, — покраснел он. — Пройдемте, товарищи лейтенанты. Генерал заждался вас.

Вошли в кабинет. Из-за стола поднялся полковник в генеральском мундире, улыбаясь, пошел к ним навстречу.

Ирина от удивления ойкнула, захлопала в ладоши. Потом вспомнила, где находится, поздравила и доложила по форме о выполнении задания и прибытии.

Потом оба поздравили.

Ирине было любопытно, спросила:

— А где товарищ генерал?

Полковник, теперь генерал, показал пальцем на потолок.

— Господи, — не поняла Ирина, — как же так? Он же совсем не старый! Как это произошло?

— Типун тебе, девочка, на язык! — Полковник понял, что она подумала. — Тьфу!

— Там – это не там, — он показал пальцем на пол. — У нашего генерала повышение. Теперь Николай Николаевич - генерал-лейтенант, и курирует несравненно более широкий круг вопросов. Но нашим начальником остается. Я не хотел повышаться, мне на своем месте было привычнее, но уговорил. Передал свой кабинет. Не захотел, чтобы здесь оказался посторонний человек. А я Федю к себе перевел.

— Понятно, — сказал Павел.

— Теперь вы рассказывайте. Как это так: поехали в санаторий отдохнуть, набраться сил, а из какой-то фигни раскрутили и разворошили целое гнездо. Да такое, что весь комитет шумит. Рассказывайте, что это за такая какава с цикорием у вас получилась?

Начала Ирина. Рассказала, как поняла про убийство, увидела, что следователь или болван, или хочет замять это дело. Сообразили, что, скорее всего, последнее. Потом подключился Павел. Позвонил, получил разрешение заняться этим убийством. Остался в санатории, выяснил, кто поселил убитого, разузнал еще много чего полезного. Вышел на заместителя начальника МВД. При вскрытии Ирина обнаружила капсулу. Тогда стало понятно, что это не уголовщина и не мелкий неучтенный прииск, а совсем другая история.

Ирина достала из кармашка куртки завернутую в пакет капсулу, положила на стол перед генералом. Сказала:

— Думаю, там не проявленная пленка. Пусть ей займутся эксперты. Наверняка много интересного еще можно раскрутить. Особенно в ядерном центре. Например, через кого проходила эта пленочка. Возможно, появятся еще фигуранты.

Генерал спрятал капсулу. Спросил:

— Как себя чувствуете? Один в бинтах, другая - в пластыре. Плохо вас тренируем. Ох, плохо.

— Тренируете хорошо, товарищ генерал, — улыбнулся Павел. Так ситуация сложилась. А тренировки очень дажегодились.

— Хорошо. Не буду задерживать. Отсыпайтесь. Федя вас отвезет. А мы пока основательно побеседуем с этими клиентами. Послезавтра ко мне. В 9:00.

6

Константину Дмитриевичу за сутки удалось выяснить многое. При обыске в квартире подполковника тайников не было. Зато в тайнике на даче обнаружили три такие же капсулы. Одна – пустая, в двух других пленка. Эксперты подобрали проявитель и проявили. Вычислили, кто еще сотрудничал в ядерном центре с этой группой. Оказалось - трое. Мелкие служащие. Резидент все отрицал, говорил, что подбросили, что никаких контейнеров он не знает

и не видел, что все это провокация против МВД. Не признавался даже в очевидных мелочах. И о самом главном - кто его куратор, тоже молчал. Начальника областного управления, своего шефа, резидент, должно быть, использовал втемную. Тот дожидался пенсии, с удовольствием получал подарки, покрывал мелкие проступки, награждал, считая своего зама образцовым руководителем. Арестом своей «правой руки» был поражен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.